

П У Б Л И К У Я статья  
литературного кри-  
тика В. В. Рима-  
шевского «Откуда начина-  
ется театр», редакция при-  
глашает читателей высказаться по существу затро-  
нутых вопросов, поделиться своим мнением о со-  
временном театральном искусстве, его задачах в  
идейно-эстетическом воспитании молодежи.

# Откуда начинается театр

РАЗДУМЬЯ,  
СПОРЫ,  
ПОЖЕЛАНИЯ

КАК часто приходится слышать у театрального подвезда:

— Нет лишнего билетика?

А тут совершенно противоположное:

— Кому билетиков? Партер. Лучшие места.

Поначалу я не придавал этому значения. Мало ли что случается в жизни. Может быть, кто-то заболел или срочно уехал в командировку. Вот и пришлось продавать купленные раньше билеты. К тому же, говорят, сегодня у «Шинника» ответственный матч на своем поле, и вполне возможно, футбольные страсти оказались сильнее искусства.

Но...

Но ведь спектакль, игравшийся в тот вечер во Дворце культуры моторного завода, — премьера нового сезона в Ярославском драматическом театре имени Ф. Г. Волкова. Премьера и — полупустой зал. Третий звонок. Медленно гаснут плафоны. Сейчас поднимется занавес, а в партере и бельэтаже по прежнему малолюдно, неуютно.

В чем дело?

Думаю, не только в спектакле «Панфиловцы», который (я скажу о нем дальше) никак нельзя, к сожалению, зачислить в актив талантливого, творческого коллектива; и, конечно, не в симпатиях поклонников «Шинника», невольно нанесших урон рядам ярославских театралов.

За последние годы Волковский театр все реже радуется ему лишь одному присущим прочтением классической и современной драматургии. Даже такие профессионально воссозданные спектакли, как «На всякого мудреца довольно простоты», «Дети солнца», «Профессия миссис Уоррен», «В день свадьбы», почти не искут, честно говоря, ничего неповторимого, волковского. Их с той же долей успеха можно, вероятно, поставить и в Костроме, и в Иркутске. А, помнится, ярославский театр умел сказать свое красноречивое слово. Трудно забыть его «Сомова», «Егора Булычова», «Вечный историк», «Кредит у Нибелунгов», «Федора Волкова»...

Однако добрые традиции от сезона к сезону блекнут, и лицо театра обретает «общее», расплывчатое выражение. Это тем огорчительнее, что по творческим возможностям наша периферийная сцена достойна соперничать со столичными труппами. В ее художествен-

ном арсенале и неувядаемая «старая гвардия», и даровитое среднее поколение, и способная молодежь, и надежный резерв начинающих актеров — театральная студия. Лучшие сценические работы А. Чудиновой, В. Нельского, С. Ромоданова, Н. Кузьмина, В. Салопова, Ф. Мокеева, Э. Сумской, Ф. Раздьяконова, Л. Макаровой, Ю. Караева, Н. Терентьевой, С. Тихонова и других — убедительное свидетельство зрелого мастерства, самозабвенного гражданского служения реалистическому искусству.

Все так. Но сколько часто еще талант артистов, силы режиссеров и художников-декораторов растрачиваются либо на откровенно «кассовые спектакли», либо на постановку заведомо слабых пьес и инсценировок, не способных принести славы старейшему русскому театру. Я имею в виду «Глубокую разведку», «Семью Плахова», «Василису Мелентьеву», «Печорина», «Игру без правил»...

Современного взыскательного зрителя не проведешь: он безошибочно отличает Лермонтова от М. Волобрынского, дерзнувшего пересказать для сцены «Героя нашего времени», Островского — от С. Геденюва, с коего, по сути, и надлежит спрашивать за псевдонародность, антиисторизм «Василисы Мелентьевой», неприглядный детектив — от психологической драмы.

Не нужно обольщаться, что, скажем, «Печорин» или «Семья Плахова» идут с аншлагом. Главную роль играют здесь внешняя театральность, полюбившиеся актеры. А вот безнадёжно отставшую от времени «Глубокую разведку» не мог спасти даже опытный исполнительский ансамбль. И тем не менее все это — следствия одной причины: театр склонен подчас довольствоваться малым, идти проторенной дорогой без благородного творческого риска, смелого постижения художественной новизны.

Будь иначе, ярославцы увидели бы в лермонтовский юбилей «Маскарад» — одну из вершин классической драматургии; и «своего» Гамлета, и Катерину, бросающую вызов тупому мешанинскому благополучию, и гневного Чацкого, и легендарного путилловца Семена Давыдова, и Комиссара из «Оптимистической трагедии»: здесь получили бы прописку Брехт и Маяковский, Назым Хикмет и Эдуардо де Филиппо, Чапек и Сартр. Правда, в таком случае понадобятся истинное подвижничество, мобилизация всех духовных ресурсов, отточенность мастерства, идейная страстность. Зато и окупится сторицей высокое горение!

Ведь на смену иллюстративности, облегченности в изображении действительности уверенно выступает сегодня искусство аналитическое, философствующее,

стремящееся к глубокому познанию сложных общественных явлений; искусство, не сглаживающее острых углов и в то же время отчетливо воссоздающее революционную перспективу, заботящееся о том,

Чтоб крепче стиснула рука

Винтовку, и перо поэта,

И негиблемость древка.

Станиславский любил говорить, что театр начинается с вешалки, полагая под этим ту атмосферу сопричастности прекрасному, в которую попадает каждый, переступив порог храма искусства. Но верно и другое: театр, спектакль начинаются с пьесы, с репертуара. Никакими сценическими ухищрениями, никакой бутафорией не восполнить скудость драматургического материала. «Панфиловцы», приуроченные к открытию нынешнего сезона, — лишнее тому подтверждение.

Пьеса И. Назарова, если можно назвать ею несколько разрозненных эпизодов беспримерной обороны Москвы тревожной осенью сорок первого года, — безуспешная попытка освоить полный драматизма подвиг народа маломощными изобразительными средствами. Тут нет настоящих характеров, острых жизненных конфликтов, логики действия. Положенное в основу сюжета «столкновение» между майором-«особистом» и командиром дивизии — не более, чем дань конъюнктуре, субъективистскому произволу в освещении военной истории. Что же касается философии войны, которой в пьесе отведено значительное место (побеждают не числом, а умением, ратная практика ломает уставы, инициативные командиры предпочтительнее военачальников-консерваторов и т. д.), — так это повторение корнейчукского «Фронта», во многом уступающее, как любая копия, оригиналу.

А результат? На сцене — оживленные красочные «массовки». Картины гибнут под огнем вражеских танков воины-герои и вновь встают из праха, принимая монументальные позы. Звучит рекем павшим...

Премьера состоялась, но возлагавшихся надежд спектакль не оправдал да и не мог оправдать за отсутствием наглавнейшего — пьесы, как таковой, облеченной в плоть и кровь неподдельной художественности.

Хочется верить, что досадные просчеты в репертуаре — дело прошлое, что, преодолев инерцию дня вчерашнего, Ярославский драматический театр станет laborником творчества вдохновенного, бескомпромиссного, что слово волковский будет своего рода гарантийной маркой искусства, идущего об руку с жизнью, устремленного в коммунизм.

В. РЫМАШЕВСКИЙ.